

Для цитирования: Иванова Л. Л.,
Ревягина Н. Г., Яланский А. П.
Коррупционные практики в современной России:
объективность наличия и сложности оценки //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 30–37.

УДК 32.019.5

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАЛИЧИЯ И СЛОЖНОСТИ ОЦЕНКИ

Иванова Людмила Леонидовна,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры политологии и этнополитики,
кандидат политических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: ivanovalrostov@yandex.ru

Ревягина Наталья Григорьевна,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры политологии и этнополитики,
кандидат политических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: fpk@uri.ranepa.ru

Яланский Александр Павлович,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ведущий специалист лаборатории
проблем повышения эффективности
государственного
и муниципального управления,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: mitsrostov@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ некоторых методик
оценки уровня коррупционных практик в совре-
менной России. В ходе исследования авторы
указывают на основные причины высокой
коррупциогенности общества, а также выделяют
достоинства и недостатки некоторых оценочных
методик коррупционной проблематики.

Ключевые понятия:

коррупция,
коррупционные практики,
социологический опрос,
экспертные оценки.

Неоспоримо негативное влияние кор-
рупционных проявлений на все сферы
общественной жизни, духовное начало и
нравственные основы общества. Распро-
странившись как в бедных, так и богатых
государствах, коррупция обратила на себя
пристальное внимание мирового сообще-
ства, получив характеристику глобальной
проблемы современности [13, с. 178]. Ее суть
и основная угроза для большинства совре-
менных государств заключается в том, что
любой человек, обладающий властью по
своему усмотрению распределять непри-
надлежащие ему ресурсы, естественным
образом может быть подвержен соблазну
коррупционных злоупотреблений.

Многовековая история оценки опасно-
сти коррупционных проявлений просле-
живается начиная с античных времен. Еще
Аристотель в известном труде «Политика»
отмечал, что «самое главное при всяком го-
сударственном строе – это посредством зако-
нов и остального распорядка устроить дело
так, чтобы должностным лицам невозможно
было наживаться» [2, с. 547]. Спустя столетия
французский просветитель Ш. Монтескье
продолжил эту мысль: «Известно уже по опы-
ту веков, что всякий человек, обладающий
властью, склонен злоупотреблять ею, и он
идет в этом направлении, пока не достигнет
положенного ему предела» [14, с. 289]. При
изучении работы ученых нашего времени,
посвященные феномену коррупции, сразу
бросается в глаза многоаспектность их под-
ходов. Так, например, духовно-нравственно-
му фундаменту противодействия коррупции
посвящено исследование А. И. Овчинникова
и В. И. Фатхи [15]; о проблемных вопросах,
связанных с необходимостью ограниче-
ния чиновничьего произвола в России на
примере некоторых наиболее коррумпир-
ованных современных государств говорят
в своей монографии Г. А. Прокопович и
А. Б. Артемьев [17]. Индикаторы корруп-
ционной деятельности в органах государ-
ственного и муниципального управления
выделяют в своей работе С. А. Воронцов,
А. В. Понеделков, Зырянов [5]; генезис кор-
рупции в элитологическом контексте рассма-
тривает О. А. Артюхин [3]. Поиск эффектив-
ных методов противодействия коррупции на
региональном уровне ведут в своей статье
Д. К. Григорян, А. А. Крицкая и И. В. Кисе-
лев [8]; политическим механизмам борьбы
с коррупцией посвящено диссертационное
исследование В. Н. Прокуратова [18].

Обилие научных исследований анти-
коррупционной проблематики, казалось
бы, подтверждает широко распространен-

ное мнение о том, что в российском государстве коррупция является «хроническим заболеванием». Между тем, нам представляется, что с достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что как в современной российской практике, так и в истории нашей страны достаточно актуальным является феномен самых разнообразных мифов¹ о коррупции, или фейков, как принято сейчас говорить с подачи американского президента Д. Трампа. При этом, как представляется, существуют как явные (привычные) объекты мифологизации, так и те, о которых по известной русской поговорке можно сказать, что нет дыма без огня.

Между тем, уверенность относительно значительной распространенности коррупции в современном российском обществе даже у вполне патриотичных граждан (не говоря о ее недоброжелателях) достаточно велика. Подобные мнения зачастую подкрепляются соответствующими «обоснованиями». Так, по данным международного антикоррупционного агентства «Transparency International», в 2017 г. в индексе восприятия коррупции Россия набрала 29 баллов из 100 и заняла 135-е место из 180, получив одинаковый результат с Доминиканской республикой, Гондурасом, Кыргызстаном, Лаосом, Мексикой, Папуа – Новой Гвинеей и Парагваем². Результаты социологических опросов Левада-центра, основанные на другой, более объективной, методике, также свидетельствуют о том, что коррупция, по мнению россиян, является одной самых серьезных для страны проблем. Как еще более значимые в исследовании указаны инфляция, рост безработицы, нестабильность курса рубля и расслоение на богатых и бедных³. В то же время в «Российском статистическом ежегоднике – 2017» – издании Федеральной службы государственной статистики, отражающем явления и процессы в экономической, социальной и политической жизни страны, такого понятия как «коррупция» вообще нет. В разделе «Правонарушения» содержатся данные о зарегистрированных преступлениях с формулировкой

«взяточничество»⁴. С точки зрения авторов методики исследования, проведенного, например, Transparency International, подобный «ход» российского правительства можно было бы охарактеризовать как попытку занижения показателей коррупции в современной России, однако, если разобратся внимательнее, подобная методика оценки коррупции статистически и будет наиболее верной. Так, например, поддержанные членом совета по внешней и оборонной политике при Президенте РФ генерал-лейтенантом полиции А. Г. Михайловым специалистами Южно-Российского института РАНХиГС в своем пособии по основам противодействия коррупции [4, с. 8] указывают на то, что коррупцию можно рассматривать как в узком, так и в широком понимании. В такой интерпретации взяточничество действительно выступает синонимом проявления (с возможностью статистической фиксации) коррупции в узком смысле понимания этого феномена. Большая же часть ее проявлений в широком смысле слова и как правонарушений (различных проявлений мздоимства и лихоимства), и тем более как этических отклонений статистически не только не могут быть зафиксированы, но и могут трактоваться весьма широко. В контексте такого подхода абсолютно понятен тезис В. В. Лунеева о том, что «регистраемая преступность лишь примерно и неполно отражает преступность реальную, но государственный учет преступлений при всех его недочетах является единственной более или менее показательной статистической базой» [12, с. 407]. Отсюда, по нашему мнению, справедлив и вывод о том, что анализ официальной статистики при характеристике коррупции также может иметь лишь вспомогательное значение, позволяя дать косвенные оценки. В этой связи следует согласиться с экспертным мнением о трудоемкости выявления коррупционных фактов, вследствие чего действительно доказанных (а значит, и статистически учтенных) коррупционных преступлений не может быть слишком много.

Таким образом, объективность существующих суждений о коррупции в России весьма противоречива, прежде всего потому, что большинство наиболее «авторитетных» исследователей, используя массив различных методов (от социологических опросов и эмпирического наблюдения до сложных математических расчетов), как правило, ставят

¹ См., напр., известную серию публикаций В. Мединского «Мифы о России».

² Россия в Индексе восприятия коррупции – 2017: посадки не помогли // Трансперенси Интернешнл Россия. URL: <https://www.transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatija-korrupsii-2017-posadki-ne-pomogli.html> (дата обращения: 14.03.2018).

³ Коррупция стала беспокоить россиян больше войны на Украине // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/08/2015/55e44fb09a794703918a385d> (дата обращения: 30.01.2018)

⁴ Российский статистический ежегодник – 2017. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения: 10.03.2018).

перед собой цель измерить ее масштабы. В то же время выявление показателей, реально оказывающих влияние на указанную проблему, является довольно трудным делом из-за сложности получения достоверных данных. В связи с этим вполне закономерно, что даже эксперты приходят к различным выводам в оценке такого противоречивого феномена как современная коррупция.

С одной стороны, непрекращающаяся череда громких коррупционных скандалов, касающихся крупных российских чиновников (дела Гейзера, Хорошавина, Денина, Дудки, Белых, Улюкаева и др.), позволяет уверенно заявлять: «Ну вот, воруют же!». С другой стороны, в демократическом правовом государстве любое обвинение в преступлении считается правомочным только после решения суда. Однако анализ судебной статистики свидетельствует, что зачастую при вынесении судами приговора лицам, обвиненным в коррупционных преступлениях, назначается наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкциями УК РФ, либо, что, на наш взгляд, и вовсе «парадоксально», виновному назначается штраф, сумма которого в разы ниже суммы взяток, за которые он осужден [10, с. 24].

К примеру, по данным прокуратуры РФ за последние десять лет в Российской Федерации выявлено свыше 3 млн нарушений законодательства о противодействии коррупции¹. Среди методик выявления данных нарушений, как правило, используются: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов; проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; анализ соблюдения требований к служебному поведению и контроль за расходами государственных служащих; мониторинг сообщений средств массовой информации на предмет выявления сведений о правонарушениях коррупционной направленности (позволяет проводить проверки по изложенным в публикациях доводам и при наличии оснований принимать меры прокурорского реагирования) и проч. Однако тот факт, что огромное число коррупционеров оставалось и остается безнаказанным является реальностью, о которой хорошо осведомлены наши сограждане [10, с. 23].

Среди причин увеличения количества нераскрытых коррупционных преступлений и роста числа уголовных дел, прекращенных

судом за недоказанностью вины подсудимых, исследователи выделяют проблему кадрового обеспечения органов внутренних дел, низкий уровень профессионализма сотрудников, осуществляющих выявление фактов и расследование по делам, связанным с коррупцией [6, с. 111], что зачастую приводит к утрате доказательной базы, и, вследствие этого, до судебного разбирательства доводятся в основном малозначительные деяния. К тому же и сами сотрудники правоохранительных органов, к сожалению, не только не всегда добросовестно следуют антикоррупционному законодательству, но и во многих случаях сами по-человечески поддаются коррупционным соблазнам [1, с. 5], что обусловлено длительным генезисом криминогенных факторов экономического, политического, духовно-нравственного характера, которые порождены не только и не столько негативными процессами в самой системе правоохранительных органов, сколько всеобщей деформацией социально значимых ориентиров, коммерциализацией всех жизненных сфер, сведением на нет правовой пропаганды и воспитания населения [11, с. 23]. Сложность выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, а также всевозможные варианты сокрытия этих преступлений от учета объясняются не только общими для всех преступлений причинами, но и сугубо специфическими. Складывается ситуация, когда подчиненные замалчивают факты коррупционного поведения начальников, а последние смотрят «сквозь пальцы» на нарушения первых. Классический принцип неотвратимости наказания в рассматриваемой сфере практически не действует [11, с. 31]. Также можно предположить, что при всей нетерпимости к коррупционным практикам в контексте логики правоохранительной деятельности в реализации мер антикоррупционной политики по отношению к ним очень часто имеет место (и это не только российская практика) либо отсрочка команды на пресечение коррупционных деяний, либо откровенный мораторий на какие-либо санкции в отношении коррупционеров.

Таким образом, рассуждая о действительных параметрах современных коррупционных практик, учитывая, что указанные выше обстоятельства весьма затрудняют применение принципов элементарной объективности к исследованию феномена современной коррупции, можно констатировать их неизбежную оценочность, субъективность и т. п. характеристики, указыва-

¹ Коррупция нанесла РФ ущерб на 130 млрд рублей за 2,5 года // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/08/09/10825598.shtml?updated> (дата обращения: 17.02.2018).

ющие на вероятностный характер подобных оценок. Наше мнение подтверждается тезисом Э. Л. Сидоренко об односторонности большинства из проводимых опросов восприятия коррупции, а также несоблюдении требований валидности и надежности измерений [20, с. 84]. В свою очередь, к недостаткам методики определения индекса восприятия коррупции, разработанной международным антикоррупционным агентством «Transparency International», например, можно отнести специфическую технологию расчета, использующую исключительно статистические параметры без учета экономических индикаторов, а также упор на мнение специалистов, которые чаще всего объективно не могут быть осведомлены не только в массовых или эпизодических, но даже в единичных случаях коррупционных злоупотреблений в России. Нам представляется, что в отношении повышения действительной объективности оценок коррупции одним из наиболее экстроперспективных ее параметров может являться обязательное допущение определенной погрешности суждений о реальной коррупции. В такой ситуации, чем более категоричным будет суждение о степени коррупции, тем больше должна оцениваться вероятность его необъективности.

Между тем, очевидно, что следование нашей логике порождает следующие вопросы: «Как же выйти из охарактеризованного выше методологического затруднения? Как понять действительный размер проблемы?» Без ответа на эти вопросы вряд ли возможно ожидать адекватного понимания сути коррупции, а также применения действенных мер государственной антикоррупционной политики.

Представляется, что одним из вариантов ответа на поставленные вопросы может быть использование результатов социологических опросов специалистов экспертного уровня. При всех недостатках этого метода результаты подобных опросов хотя и основываются на субъективных мнениях экспертов, однако погрешности индивидуальных оценок нивелируются законами больших чисел (опросы, как правило, предполагают работу с достаточно большим числом не связанных друг с другом экспертов). Кроме того, факт проникновения субъективных подходов в плоскость объективной оценки, лежащий в основе методологии экспертных методов, призван обеспечить более точное и адекватное отображение свойств и признаков оцениваемого объекта [9, с. 34].

Подобные опросы по самым разным актуальным проблемам социально-политической природы на протяжении нескольких лет достаточно успешно организует Лаборатория проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления РАНХиГС. Обратимся, например, к результатам исследований, проведенных Лабораторией еще в 2015 г. Одно из исследований, проведенное в феврале – марте 2015 г. в 12 регионах Российской Федерации, касалось оценки эффективности местного самоуправления [16]. Второе посвящено оценке проблем национальной безопасности на региональном уровне. Оно было проведено в августе – сентябре 2015 г. [19]. Экспертами в указанных опросах выступали представители региональной политико-административной элиты, авторитетные государственные и муниципальные служащие, общественные деятели, представители региональных СМИ, ученые и т. д. Принципиально отметить, что оба исследования не были посвящены непосредственно коррупционной проблематике.

Любопытно, что, оценивая причины того, почему не реализуются должным образом полномочия органов местного самоуправления, эксперты в некоторых регионах страны (Ростовская область, Краснодарский край) вообще не назвали коррупцию. В целом ряде других регионов (Алтайский край, Республики Башкортостан и Татарстан, Курганская и Московская области, Ямало-Ненецкий автономный округ) на актуальность коррупции в данном аспекте оценки органов местного самоуправления указали только от 2 до 4 % опрошенных респондентов. Самую большую значимость (20 %) среди других предложенных факторов коррупционные практики получили у экспертов Приморского края.

Таким образом, по мнению опрошенных экспертов, коррупция не является важнейшим фактором, снижающим эффективность деятельности органов местного самоуправления. С другой стороны, по данным того же опроса [16], коррупция в органах местного самоуправления являлась основанием для недоверия к ним со стороны населения, по мнению от 3 (Курганская область) до 40 % (Челябинская область) респондентов. Налицо существенное расхождение во мнениях. Специалисты, непосредственно находящиеся в системе муниципальной власти или соприкасающиеся с ней, указывают на неактуальность коррупционных практик для реализации органами местной власти своих

полномочий и в то же время констатируют существенное (до 40 %) недоверие к ним со стороны граждан по причинам коррумпированности.

Такая противоречивость в оценках, по нашему мнению, в какой-то мере характеризует различия профессионального и обывательского мнений. Некоторые исследователи считают, что сегодня коррупция стала менее воспринимаемой и осуждаемой обществом, чему в немалой степени способствовали пробелы в правовом воспитании населения, а также усилия некоторых политиков и высокопоставленных чиновников узаконить соответствующие отношения в качестве неотъемлемого элемента государственной службы [7, с. 158]. Согласимся с С. М. Иншаковым в том, что высокая степень социальной терпимости в отношении к коррупционерам проявляется только тогда, когда речь идет о мерах жесткого государственного реагирования на нее. При этом, по его мнению, личные проблемы обыватели по возможности предпочитают решать с помощью взяток [10, с. 25].

Коррупция, воспринимаемая населением как «привычное зло»¹, оценивается неоднозначно. Еще Аристотель утверждал, что «масса, отстраняемая от участия в государственном управлении, не очень уж негодует по этому поводу, напротив, она даже довольна, если каждому предоставляют возможность спокойно заниматься своими частными делами; но если она думает, что правители расхищают общественное добро, тогда ее огорчает то, что она не пользуется ни почетными правами, ни прибылью» [2, с. 547]. Интерпретируя приведенные выше результаты экспертных опросов, можно сказать, что граждане (по мнению экспертов), даже не зная реальных причин неэффективности местных властей, склонны упрекать их в коррупции. Этот же тезис находит свое подтверждение в исследовании О. Матвейчева и А. Акопяна, которые заключают, что «все считают, что победа над коррупцией сразу улучшит нашу жизнь. Вот если бы не коррупция, то все жили бы в роскоши, бюджет был бы под завязку заполнен деньгами, которых хватало бы на все»².

С другой стороны, специалисты также не всегда последовательны в своих оценках. Как говорилось выше, респонденты из Ростовской области не назвали коррупцию

¹ Так устроены русские // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/14/tak-ustroeny-russkie/> (дата обращения: 15.02.2018)

² Матвейчев О., Акопян А. Мифы о коррупции. URL: <http://mif-corr.ru/> (дата обращения 12.02.2018).

в качестве фактора, сдерживающего реализацию органами местной власти своих полномочий. Основным фактором, влияющим на результативность деятельности органов муниципальной власти, 73 % этих респондентов назвали отсутствие у местной власти достаточных финансовых ресурсов. В то же время 48 % опрошенных в качестве основного направления модернизации местной власти указали на необходимость антикоррупционного очищения аппарата.

По нашему мнению, приведенные результаты эмпирических исследований при всей их кажущейся противоречивости указывают на то, что парадоксальность оценки коррупционных практик в разных слоях российского общества требует дополнительных, более детальных исследований, а ни в коем случае ни категоричных суждений о тотальной коррумпированности органов государственной и муниципальной власти.

В защиту тезиса о необходимости дополнительных исследований проблем коррупции и придания им гласности говорит и то, что в ходе проведенных исследований опрошенные эксперты продемонстрировали свою относительную (по сравнению, например, с оперативными работниками правоохранительных органов) неосведомленность в отношении коррупционных практик. Многие из них, например, указали, что в качестве основного источника информации о проявлениях коррупции они считают ресурсы Интернета. Так высказался 21 % респондентов в Московской области, 23 % – в Ямало-Ненецком автономном округе, 28 % – в Приморском крае, 30 % – в республике Башкортостан, 53 % – в Астраханской, 69 % – в Ростовской и 72 % – в Кировской областях, а также 78 % – в Краснодарском крае и 79 % – в Челябинской области.

Между тем, использование ресурсов Интернета для повышения своей осведомленности о коррупционных практиках, по нашему мнению, не дискредитирует опрошенных экспертов (специалистов органов государственной власти и управления, работников СМИ, ученых и т. д.). В подавляющем большинстве они не являлись профессиональными правоохранителями. Наоборот, приведенные данные указывают на то, что, с одной стороны, опрошенные эксперты интересуются проблемами коррупции, используя все доступные средства, и с другой – что объективные сведения о коррупции естественным образом не лежат на поверхности: зачастую они скрыты от глаз обывателей и достаточно редко предаются огласке в средствах массовой информации,

а судопроизводство по таким делам, как правило, проводится в закрытом режиме. Вследствие чего, суждения о них не могут иметь форму очевидных истин.

Необходимость широкого конструктивного обсуждения коррупционной проблематики (на фоне реальной борьбы с коррупцией силами правоохранительных органов), по нашему мнению, вернет не только заинтересованность общества в избавлении от коррупционных практик, но и сделает его представителей более последовательными в этом. Основаниями для подобных выводов опять-таки являются, с одной стороны, результаты указанных выше исследований, а также доступные сведения все в тех же ресурсах Интернета.

Так, например, исследование, проведенное Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления РАНХиГС, указывает на эффективность опыта использования антикоррупционных практик. В частности, достаточно эффективной практикой считается использование телефонов доверия. В опросах с этим тезисом согласилось от 31 (Ростовская область) до 7 % (Приморский край) респондентов. Одним из инструментов противодействия коррупции, получивших положительные оценки населения, выступают многофункциональные центры предоставления государственных муниципальных услуг, создание которых было направлено на исключение взаимодействия заявителя с представителями органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, тем самым работая на снижение проявления коррупции и повышение качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг. А вот среди неэффективных способов вовлечения широких масс граждан в борьбу с коррупцией оказался такой проект, как интернет-портал «Российская общественная инициатива»¹. На портале содержится около 40 гражданских инициатив антикоррупционной проблематики, которые (в целом!) поддержаны 60 тысячами граждан. Такая реакция общества не может иметь никакого продолжения, так как по действующему законодательству государственное сопровождение может получить только та инициатива, которая поддержана не менее 100 тысячами сторонников. К тому же, если проанализировать эти инициативы,

многие из них выглядят популистски и неконструктивно.

Несмотря на неприятность приведенных фактов (кого порадует вывод, что здоровые антикоррупционные инициативы власти не получают широкой поддержки в обществе?), по нашему мнению, они могут быть объяснены. Один из вариантов объяснения опять-таки подсказывают результаты указанных выше исследований. В исследовании о проблемах национальной безопасности на региональном уровне [19] более 75 % опрошенных экспертов охарактеризовали существующий уровень антикоррупционной безопасности в России как низкий или скорее низкий. Тем не менее, из 18 предложенных аспектов национальной безопасности антикоррупционную безопасность они поставили только на 5 место. Впереди оказались (по степени приоритетности) военное, экономическое, антитеррористическое и криминальное направления национальной безопасности. Может, это многое объясняет? Ни общество, ни власть объективно не готовы ставить борьбу с коррупционными практиками на первое место до устранения перечисленных угроз. Если проанализировать приоритетность указанных опасностей, вполне можно согласиться с экспертами в их оценке.

В такой ситуации и характеристика объективности актуальности феномена коррупции не может с одной стороны игнорироваться, а с другой стороны – искусственно завышаться. По нашему мнению, в отношении коррупции должны продолжаться реализовываться меры антикоррупционной политики, а также совершенствоваться методики оценки объективной значимости феномена коррупции для современного российского общества.

Совершенствование методик оценки коррупционных практик представляет важный сегмент антикоррупционной политики. Исследование ее эффективности является социально востребованным вследствие ожиданий положительных результатов от ее реализации, которые должны характеризоваться тем, что предпринимаемые меры гарантированно препятствуют распространению коррупционных практик вплоть до максимально возможного избавления от них.

1. Александров С. Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Моск. у-т МВД Рос. Федерации, 2005. 39 с.

¹ Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/search/?q=коррупц&page=2> (дата обращения: 23.12.2017).

2. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. Т. 4. Кн. 5. М. : Мысль, 1983. 832 с.

3. Артюхин О. А., Григорян Д. К., Крицкая А. А., Кадурина Н. В. Элитологические факторы коррупции: аксиологический подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 94–97.

4. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Буров А. В. Основы противодействия коррупции : учеб.-метод. пособие. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 256 с.

5. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Зырянов С. Г. Индикаторы коррупционной деятельности в системе государственной власти и местного самоуправления РФ // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 30–37.

6. Гиниятуллина Л. И. Коррупция в правоохранительных органах: анализ причин и условий и мер по их предотвращению // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Т. 1. С. 110–112.

7. Григорьева Е. О., Петренко Н. И. История российской коррупции // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 157–158.

8. Григорян Д. К., Крицкая А. А., Киселев И. В. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 140–145.

9. Дорохова Ю. В., Гончарук Н. С. Использование метода экспертных оценок при прогнозировании социальных процессов // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. 2013. С. 34–44.

10. Иншаков С. М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // Криминологический журнал. 2009. № 4 (10). С. 23–29.

11. Коррупция в правоохранительных органах. Сборник научных докладов. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 126 с.

12. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. 480 с.

13. Моисеев В. В., Ницевич В. Ф. Коррупция как глобальная проблема: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 177–182.

14. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.

15. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Коррупционные вызовы национальной безопасности: философско-правовой аспект // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 76–80.

16. Понеделков А. В., Старостин А. М., Ляхов В. П. Эффективность местного самоуправления в зеркале общественного мнения и экспертных оценок: итоги исследований последнего пятнадцатилетия (2001–2015 гг.) // Информационно-аналитические материалы научно-практической конференции с международным участием «Проблемы повышения эффективности местного самоуправления в условиях современных реформ и политических процессов в современной России», 07–08 апреля 2015 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 480 с.

17. Прокопович Г. А., Артемьев А. Б. Коррупция и методы ее ограничения: теоретико-правовое исследование. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2017. 284 с.

18. Прокуратов В. Н. Политические механизмы противодействия коррупции в современной России: состояние, перспективы развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2015. 30 с.

19. Рудой В. В., Шутов А. Ю., Понеделков А. В., Воронцов С. А., Жеухин О. А. и др. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень // Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием в рамках научно-практической конференции «Великая Отечественная война в исторической памяти поколений». 23–24 октября 2015 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 272 с.

20. Сидоренко Э. Л. К вопросу о современных направлениях криминологического исследования коррупции // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 83–87.

References

1. Aleksandrov S.G. (2005) *Pravovoj mehanizm bor'by policii s korrupciej*. Absrtract of thesis. Moscow, Moskovskij universitet MVD Rossijskoj Federacii, 39 p. [in Rus].

2. Aristotel' (1983) *Politika* // Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. T. 4. Kn. 5. Moscow, Mysl', 440 p. [in Rus].

3. Artjuhin O.A., Grigorjan D.K., Krickaja A.A., Kadurina N.V. (2018) *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 1 (92), pp. 94–97 [in Rus].

4. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V., Burov A.V. (2016) *Osnovy protivodejstvija korrupcii*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 256 p. [in Rus].

5. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V., Zyrjanov S.G. (2017) *Socium i vlast'*, no. 1 (63), pp. 30–37 [in Rus].

6. Ginijatullina L.I. (2016) *Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 1, pp. 110–112 [in Rus].

7. Grigor'eva E.O., Petrenko N.I. (2015) *Marijskij juridicheskij vestnik*, no. 1 (12), pp. 157–158 [in Rus].

8. Grigorjan D.K., Krickaja A.A., Kiselev I.V. (2018) *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 2 (93), pp. 140–145 [in Rus].

9. Dorohova Ju.V., Goncharuk N.S. (2013) *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 1, pp. 34–44 [in Rus].

10. Inshakov S.M. (2009) *Kriminologicheskij zhurnal*, no. 4 (10), pp. 23–29 [in Rus].

11. *Korrupcija v pravoohranitel'nyh organah*. Sbornik nauchnyh dokladov (2014) Moscow, Akademija General'noj prokuratury RF. 126 p. [in Rus].

12. Luneev V.V. (1997) *Prestupnost' XX veka*. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. Moscow, Norma, 480 p. [in Rus].

13. Moiseev V.V., Nicevich V.F. (2014) *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 1, pp. 177–182 [in Rus].

14. Montes'ke Sh. (1955) *Izbrannye proizvedenija*. Moscow, Gospolitizdat, 803 p. [in Rus].

15. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. (2015) *Filosofija prava*, no. 4 (71), pp. 76–80 [in Rus].

16. Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Ljahov V.P. (2015) *Jeftektivnost' mestnogo samoupravlenija v zerkale obshhestvennogo mnenija i jekspertnyh ocenok: itogi issledovanij poslednego pjatnadcatiletija (2001–2015 gg.) // Informacionno-analiticheskie materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Problemy povyshenija jeftektivnosti mestnogo samoupravlenija v uslovijah sovremennyh reform i politicheskikh processov v sovremennoj Rossii», 07–08 aprelja 2015 g., Rostov-na-Donu. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 480 pp. [in Rus].*

17. Prokopovich G.A., Artem'ev A.B. (2017) *Korrupcija i metody ee ogranichenija: teoretiko-pravovoe issledovanie. Moscow, Moskovskij universitet imeni S.Ju. Vitte, 284 pp. [in Rus].*

18. Prokuratov V.N. (2015) *Politicheskie mehanizmy protivodejstvija korrupcii v sovremennoj Rossii: sostojanie, perspektivy razvitija. Abstract of thesis. Orel, 30 pp. [in Rus].*

19. Rudoj V.V., Shutov A.Ju., Ponedelkov A.V., Voroncov S.A., Zheuhin O.A. (2015) *Problemy nacional'noj bezopasnosti: regional'nyj uroven' // Informacionno-analiticheskie materialy Kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem v ramkah nauchno-prakticheskoy konferencii «Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoy pamjati pokolenij». 23–24 oktjabrja 2015 g., Rostov-na-Donu. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 272 pp. [in Rus].*

20. Sidorenko Je.L. (2016) *Obshhestvo i pravo*, no. 4 (58), pp. 83–87 [in Rus].

For citing: Ivanova L.L., Revyagina N.G., Yalansky A.P. *Corruption practices in modern Russia: objectivity of existence and complexity of evaluation // Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 30–37.*

UDC 32.019.5

CORRUPTION PRACTICES IN MODERN RUSSIA: OBJECTIVITY OF EXISTENCE AND COMPLEXITY OF EVALUATION

Lyudmila L. Ivanova,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Associate Professor of the Department Chair of Political Science and Ethnopolitics, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, The Russian Federation, Rostov-na-Donu, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: ivanovalrostov@yandex.ru

Natalya G. Revyagina,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Associate Professor of the Department Chair of Political Science and Ethnopolitics, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, The Russian Federation, 344002, Rostov-na-Donu, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: fpk@uriu.ranepa.ru

Alexander P. Yalansky,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Leading Expert of the Laboratory of Problems of Increasing Efficiency of the Public and Municipal Administration, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, The Russian Federation, 344002, Rostov-on-Don, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: mitsrostov@mail.ru

Annotation

In the article the analysis of some techniques of assessing corruption offenses in modern Russia is carried out. During the research the authors point to the main reasons for high level of corruption in the society, as well as highlight the advantages and disadvantages of some evaluation methods of corruption.

Key concepts:

corruption,
corruption practices,
sociological poll,
expert evaluations.